

ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА В СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ СТЕПАНА ЭРЬЗИ

(неизвестные факты, документы, материалы)

И. В. КЛЮЕВА,

*кандидат философских наук,
профессор кафедры культурологии и этнокультуры
ФГБОУ ВПО «МГУ им. Н. П. Огарёва»
(г. Саранск, РФ)*

Степан Дмитриевич Эрьзя (Нефедов, 1876–1959) – выдающийся представитель мордовского народа. Его творчество составляет одну из самых ярких страниц в истории отечественной и мировой скульптуры XX в. Принципиально важное место в биографии мастера занимает первый московский период (1901–1907 гг.), связанный с обучением в Строгановском Центральном художественно-промышленном училище (до 23 февраля 1901 г. – Строгановское Центральное училище технического рисования) и Московском училище живописи, ваяния и зодчества (МУЖВЗ) – сначала на живописном, затем параллельно на живописном и на скульптурном отделениях.

Строгановское училище в указанный период – один из важнейших центров отечественного художественного образования, один из главных культурных центров Москвы. Значительная роль в достижении и сохранении такой позиции учебного заведения принадлежала Николаю Васильевичу Глобе, занимавшему в нем пост директора с 1896 по 1917 г.

В Фонде Строгановского училища Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ) хранится «Дело о помещении в число любителей рисования Училища Нефедова Степана Дмитриевича», содержащее интересные, до сих пор не введенные в научный оборот документы, связанные с пребыванием будущего скульптора в этом учебном за-

ведении. Первый документ – прошение «крестьянина дер. Выселки Алатырского уезда и волости Симбирской губернии Степана Дмитриева Нефедова Эрьзи (так в тексте! – *И. К.*)» на имя директора: «Имею желание поступить в вверенное Вам, Ваше Превосходительство, училище <> дабы изучить всесторонне художественную живопись, с которой поверхностью я познакомился самоучкою и полюбил <> вследствие чего и прибыл к Вам, Ваше Превосходительство. Не взойдете ли в мое положение и не дадите ли возможность поступить мне вольным слушателем <> При чем считаю обязанностью сказать <> рисунки мною были посланы. Вероисповедания православного <> происхожу из мордвов (так в тексте. – *И. К.*). Кончил курс образования в сельском училище <> Имею от роду 25 лет <> Был бы весьма счастлив получить ответ по вышеуказанному адресу или короче в город Алатырь Степану Нефедову, дом Николая Николаевича Серебрякова. Крестьянин Степан Нефедов Эрьзя. 1901 год. Августа 16 дня» [10, ф. 677, оп. 1, д. 6133, л. 1].

Эпизод своей первой встречи с директором училища Эрьзя помнил всю жизнь и рассказывал многим знакомым, журналистам, каждый из которых дополнял его новыми подробностями, поэтому существует несколько вариантов интерпретации одной и той же истории (см. об этом: 3, 388–390). Суть короткого разговора передается в целом одинаково

во: Глоба, увидев перед собой 25-летнего мужчину (в число учащихся принимали подростков в возрасте 12–15 лет), наотрез отказал ему в приеме, разговаривая с ним высокомерно и насмешливо. Позже сам Эрьзя так описывал свой разговор с Глобой: «...он посмотрел на меня и мое одеяние, выпрямился, указал на свою грудь и сказал: “Вот я имею золотую медаль (он окончил Академию Художеств с малой золотой медалью и званием классного художника 1-й степени. – *И. К.*), но я не художник!” Я же ответил ему: “Я приехал учиться и буду художником!” И тогда он мне сказал: “Вернись в деревню и плоди подобных себе!” И я ему ответил: “Нет, не вернусь! Я буду художником!” Тогда Глоба повернулся в сторону, где стояли несколько человек... Он указал на меня и говорит: “Смотрите, этот мужик хочет быть художником!” Глоба отвернулся и исчез» [13, 13–14]. Когда Степан спускался по лестнице к выходу, его догнал один из преподавателей, ставших свидетелями этой сцены, и сообщил, что в училище есть вечерние рисовальные классы, куда принимают всех желающих. «На следующий вечер я был уже учеником вечерних классов, где преподавал тот, который посоветовал мне поступить туда... Это был Иванов С<ергей>. В<асильевич>. Он замечательно относился ко мне» [13, 14].

За обучение в вечерних классах необходимо было платить 5 руб. в полугодие (10 руб. в год). У Эрьзи таких денег не было. Десятилетия спустя в Аргентине он рассказывал журналисту Луису Орсетти: «Кто-то неизвестный взял на себя все мои расходы, не только на обучение, но и на жизнь» [8, 18]. Некоторые мемуаристы и исследователи утверждают, что этим анонимным меценатом был живописец Н. А. Касаткин [6, 29; 11, 77], с которым Эрьзя действительно впоследствии, в период обучения в МУЖВЗ, был дружен. Однако вряд ли Касаткин, обремененный огромной семьей, мог позволить себе лишние расходы. Сам Эрьзя говорил Орсетти: «Я так и не узнал, кто это был, но всегда подозревал, что это был Иванов, который всегда относился ко мне с большим вниманием» [8, л. 18].

Через год Эрьзя был переведен на дневное отделение: выдающийся талант «скоро выделил его из массы курсистов, и его без всяких экзаменов перевели в училищные классы», – сообщалось в газете «Голос Москвы» [7]. Согласно ряду источников, перевестись на дневное отделение училища ему удалось лишь с помощью протекции. Корреспондент газеты «Камско-Волжская речь» утверждал, что Эрьзю приняли в училище «благодаря стараниям и хлопотам влиятельных знакомых» [1]. Живописец Н. М. Чернышев, учившийся одновременно с ним в МУЖВЗ, также упоминал в своем дневнике «об одной протекции», благодаря которой Эрьзя смог поступить в Строгановское училище [2, 411]. О «протекции» писал и корреспондент газеты «Раннее утро» Марк (М. Н. Либерман): «На Ерьзю (так в тексте. – *И. К.*) обратил внимание какой-то посетитель вечерних курсов, который имел связи с “сильными мира сего”. О Ерьзе стали наводить справки у преподавателей, которые оказались более чем удовлетворительные, и он окольным путем попал в школу» [5]. В следующей публикации Марка уточнялось: «О своих мытарствах Эрьзя рассказал знакомому чиновнику канцелярии Великой Княгини. Обещал этот чиновник: похлопотать за Эрьзю, где следует, и посодействовать его приему в Строгановское училище. И действительно, вскоре Эрьзю вызвали к г. Глобе.

– Всюду вы нос свой суете – встретил художника директор.

– Я только учиться хочу – ответил Эрьзя.

– Ну, ладно. Можете временно посещать школу» [4].

Один из биографов Эрьзи – эмигрировавший в Аргентину из Швейцарии литератор Альфредо (Альфред) Кан – утверждал, что друг начинающего художника, «коммерсант» (т. е. купец Серебряков), познакомил его с «помощником секретаря княгини Елизаветы Романовой» [14, 42]. Эта же версия представлена в рассказе Эрьзи, записанном послом СССР в Аргентине М. Г. Сергеевым: «...я познакомился с помощником секретаря Великой княгини Елизаветы Федоровны... и поведал ему о своем желании поступить в Строгановское училище. Я передал ему

эскизы своих декораций. Он обо всем рассказал своему начальнику, и тот, посмотрев мои работы, рекомендовал меня в училище как новоявленный талант от имени Великой княгини... Директору пришлось подчиниться и принять меня в основной класс, но он предварительно на меня накричал. Я сказал тогда, что пойду к Великой княгине, и директору показалось, что я действительно нахожусь под ее покровительством» [11, 70]. Кан называет фамилию помощника секретаря – Ёмогоров (Yomogorof) [14, 42], – вероятно, она искажена (как и многие другие имена в текстах биографов Эрьзи, записывавших его рассказы о своей жизни «на слух»).

Можно утверждать, что начало первого московского периода жизни и творчества Эрьзи проходило «под знаком» Елизаветы Федоровны. С 1901 г. Строгановское училище находилось под ее покровительством. Кроме того, владелец фотоателье, в котором Эрьзя, не имея других средств к существованию, работал ретушером, Роман Флорианович Бродовский (вошедший в эрзеведение под фамилией Бродский [12, 20]) был фотографом Московского филармонического общества, также состоящего под ее покровительством.

В личном деле Степана Нефедова из фонда Строгановского училища нами обнаружены документы, свидетельствующие о том, что за будущего скульптора действительно ходатайствовал личный секретарь великой княгини гофмейстер Николай Александрович Жедринский. 23 октября 1901 г. он направляет Глобе официальное письмо (за № 689): «Препровождая при сем поданное на ИМЯ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА прошение посещающего вечерние курсы ИМПЕРАТОРСКОГО Строгановского училища крестьянина Алатырского уезда Степана Нефедова, ходатайствующего об оказании ему помощи на продолжение учения, имею честь просить Вас, Милостивый Государь, сообщить мне... Ваше мнение, заслуживает ли проситель помощи...» [10, ф. 677, оп. 1, д. 6133, л. 4].

Глоба отвечает на письмо не сразу: он ждет подробнейшей информации о том, как зарекомендует себя Нефедов. Эту информацию директору предоставил ин-

спектор училища С. В. Ноаковский в официальном письме от 12 декабря 1901 г.: «...преподавателями вечерних классов Н. И. Козловым, В. Д. Суховым и В. В. Евреиновым дан об рисующем в этих классах Степане Нефедове самый благоприятный отзыв, <как> об человеке очень способном, в течение полугода оказавшем такие успехи, что из головного будет... переведен в фигурный класс на художественном экзамене, и отличающемся притом выдающимся старанием и усердием» [там же, л. 6]. (Подчеркнем, что все преподаватели, давшие высокую оценку способностям и прилежанию Степана Нефедова, – Николай Иванович Козлов, Владимир Дмитриевич Сухов и Василий Васильевич Евреинов – были заметными в Москве художниками.) На следующий день, 13 декабря 1901 г., Глоба направляет Жедринскому письмо (за № 2064) с объективным изложением полученной информации: «...по отзывам всех преподавателей означенных классов Степан Нефедов – весьма способный человек, в течение последнего полугодия оказал такие блестящие успехи в рисовании, что на предстоящих полугодичных экзаменах будет, по всей вероятности, <переведен> из головного в фигурный класс, при чем он отличается выдающимся усердием к своим занятиям, а посему, по моему мнению, заслуживает помощи...» [там же, л. 5–5 об.].

2 февраля 1902 г. Жедринский пишет Глобе письмо (за № 84): «...вследствие письма Вашего Высококордия... по делу Степана Нефедова имею честь просить Вас, Милостивый Государь, сообщить мне, не окажется ли возможным во внимание к засвидетельствованным преподавателями вверенного Вам Училища о полнейшей способности и прилежании этого молодого человека принять его в общежитие воспитанников училища на казенное содержание...» [там же, л. 9]. Ответ Глобы датирован февралем 1902 г.: «...посетитель вечерних классов рисования... Степан Нефедов, как имеющий 25 лет от роду, согласно Уставу Училища, не может быть принят в число воспитанников Училища и не может быть помещен в общежитие, которое предназначается только для штатных учеников Училища и <,> в крайнем слу-

чае, при имени свободных вакансий, для любителей рисования не старше школьного возраста... Ввести же в среду учащихся, в большинстве случаев школьного возраста, 25-летнего молодого человека и не ученика, по многим соображениям воспитательного значения, является не желательным. Кроме того, долгом считаю присовокупить, что общежитие при Училище существует исключительно лишь за плату, поступающую от живущих в нем учеников, в размере 150 р. в год с каждого, что казенных стипендий на полное содержание в этом общежитии существует только две, которые в настоящее время замещены... и что существующее при Училище Общество взаимосоуществования нуждающимся учащимся уже имеет на своем попечении около 25 учеников и, в виду крайне ничтожных своих средств, с величайшим трудом рассчитывает просодержать их в общежитии в текущем году. В виду всего изложенного Степан Нефедов, со стороны Училища, может быть лишь освобожден от взноса платы, 10 руб. в год, за посещение вечерних классов Училища» [там же, л. 10–11]. Из этого документа следует, что Эрзя, вероятно, был освобожден от платы за учебу дирекцией Училища по ходатайству Жедринского (о чем сам так и не узнал).

«...Стефан так быстро прогрессировал в своих занятиях, что через год Глоба не мог не включить его в число двенадцати новых учеников (из трехсот абитуриентов), официально представленных для зачисления в основной состав—надневное отделение Училища, — писал Кан [14, 41]. Он также утверждал, что в конце учебного года начинающий художник выполнил портрет Елизаветы Федоровны, в которую был влюблен: «Стефан писал портрет молодой и красивой женщины, к которой питал платоническую неразделенную любовь» [14, 42]. Весной 1902 г. Елизавете Федоровне было 37 лет, на фото этого периода видно, что очарование дамы, некогда признанной самой красивой принцессой Европы, ничуть не померкло, и она не могла не произвести впечатления на Эрзю.

Согласно Кану, то, что Эрзя был удостоен чести писать портрет «столь значительной дамы», изменило отношение к нему в училище: данный факт представлялся более

весомой заслугой молодого живописца, чем художественные достоинства этого и других его произведений. Понимая, что его работа уже не будет здесь оцениваться объективно, он решает поступать в МУЖВЗ [14, 42]. 8 августа 1902 г. Нефедов подает прошение на имя директора МУЖВЗ о допущении к конкурсному экзамену для поступления в начальный класс художественного отделения вольным посетителем [10, ф. 680, оп. 1, д. 1791, л. 4].

Несмотря на то что Строгановское училище давало своим выпускникам крепкую профессиональную подготовку, МУЖВЗ было учебным заведением более высокого уровня: его выпускники практически приравнялись к выпускникам Петербургской Академии художеств. Более того, на рубеже XIX–XX вв. именно с МУЖВЗ, а не с Академией связывались представления о главных достижениях отечественного искусства. Не исключено, что вопреки версии, изложенной Каном, в поступлении Эрзи в МУЖВЗ определенную роль снова сыграла протекция «влиятельных лиц». Несомненно, что он блестяще проявил себя на творческом экзамене, как затем и в годы учебы у С. М. Волнухина («В скульптурной мастерской Волнухина он царил», — вспоминал Чернышев [2, 410]), однако у него не было необходимой для поступления в МУЖВЗ общеобразовательной подготовки: за его плечами была лишь церковно-приходская школа.

Вряд ли случайно оказалось в личном деле Эрзи из фонда МУЖВЗ следующее приглашение: «Комитет состоящей под Августейшим покровительством Ея Императорского высочества Великой Княгини Елисаветы Феодоровны выставки художественных произведений старины имеет честь покорнейше просить Вас пожаловать на открытие выставки, имеющее быть в императорском Строгановском Училище 2-го апреля с.г. ... в присутствии Их Императорских Высочеств Великого Князя Сергея Александровича и Великой Княгини Елисаветы Феодоровны» [10, ф. 680, оп. 1, д. 1791, л. 7]. Открытие выставки состоялось 2 апреля 1901 г., когда Эрзя еще не учился в Москве. Возможно, он приложил

приглашение к своим документам как свидетельством знакомства с великой княгиней и ее супругом, являвшимся попечителем этого учебного заведения и председателем Московского художественного общества, при котором оно состояло.

В личном деле будущего скульптора из фонда МУЖВЗ есть еще один документ, связанный с Елизаветой Федоровной, – свидетельство, выданное ему дирекцией 24 марта 1904 г.: «Дано Степану Нефедову для представления Ея Императорского Величества Великой Княгине Елизавете Федоровны (так в тексте. – *И. К.*) в том, что он состоит в числе вольных посетителей фигурного класса...» [там же, л. 11]. Пока нам не удалось установить точно, с какой целью оно запрошено. Возможно, «ключом» к его прочтению является еще один документ – прошение Степана Нефедова в Московское общество любителей художеств о помощи в денежных средствах для продолжения учения [10, ф. 660, оп. 1, д. 774], датированное 11 декабря 1903 г. 27 января 1904 г. возглавлявший Общество коллекционер и меценат И. Е. Цветков ставит на прошении резолюцию «Отклонить» [там же]. Можно предположить, что, получив от Цветкова отказ, Эрзя обратился с той же просьбой к Елизавете Федоровне, а та хотела удостовериться, действительно ли он обучается в МУЖВЗ. Помогла ли ему на этот раз великая княгиня, неизвестно, однако рассматриваемое письмо свидетельствует о том, что просьба не была ею проигнорирована.

Информацию о том, что Эрзя писал портрет Елизаветы Федоровны, полученную из книги Кана, вольно интерпретирует Ю. Н. Папоров. Согласно ему, Эрзя работал над этим портретом, обучаясь уже не в Строгановском училище, а в МУЖВЗ. Названный автор считает, что это было в начале 1905 г., незадолго до убийства супруга великой княгини. Эрзя, как утверждает Папоров, неоднократно приходил в генерал-губернаторский дом: «встреча была не одна, а несколько» [9, 34]. Почувствовав в Елизавете Федоровне «личность незаурядную, страдающую», он «сразу взялся *рисовать* (курсив наш. – *И. К.*) портрет этой необыкновенной женщины. (Под-

черкнем, что Кан говорит о живописном, а не о графическом портрете. – *И. К.*) Степана поразили огромные иконные глаза княгини: она улыбалась, а они, хоть и были добрыми, не улыбались, а страдали, и было во всем ее величественном облике что-то обреченное» [9, 34]. Папоров пытается фантазировать, каким был портрет: «Лицо Елизаветы Федоровны и огромные глаза ее были запечатлены на холсте, но вот душа ее оставалась далекой и не поддавалась изображению...» [9, 34]. Он утверждает, что портрет остался незавершенным, потому что сокурсники Эрзи «отнеслись к этой его работе резко отрицательно. Императорская семья в глазах студенчества была... средоточием и источником общественного гнета и насилия; и пристыженный Степан вынужден был забыть дорогу в дом Великой княгини» [9, 34–35]. Это лишь домыслы журналиста. По нашему убеждению, работа была Эрзеей завершена.

На одной из самых известных своих фотографий Степан Нефедов позирует, сидя рядом с женским портретом, держа в руках палитру и кисти. Исследователи никогда не задавались вопросом, чей портрет так гордо демонстрирует молодой художник, хотя совершенно очевидно, что сама работа и/или ее модель имеют для него совершенно особое значение. Уже тот факт, что он предстает здесь с аккуратной стрижкой, в новом, «с иголки», пиджаке, говорит о многом: как известно, Эрзя всегда смеялся над светскими условностями, подчеркнуто пренебрежительно относился к своему внешнему виду. Примечательна в аспекте рассматриваемой темы еще одна фотография Эрзи, впервые опубликованная в книге, подготовленной Фондом С. Д. Эрзи [15, 119], где он сидит на диване – в том же новом пиджаке, начищенных сапогах; видно, что и заправленные в сапоги брюки – тоже новые. В правой руке он держит кисть; здесь же, на диване, лежит уже знакомая нам палитра с кистями; рядом с диваном стоит раскрытый этюдник. Среди фотографий, стоящих на полочке над спинкой дивана, различима та самая, на которой он позировал с женским портретом. Все это свидетельствует об особом отношении автора к данному портрету. Однако исследо-

ватели до сих пор не смогли узнать в изображенной молодой особе, одетой в легкое светлое бальное платье, Елизавету Федоровну Романову. Действительно, это изображение довольно необычно: в известной на сегодняшней день иконографии великой княгини нет ни одного портрета, где бы она улыбалась. Крайне редко могли «схватить» легкую тень улыбки на ее лице и фотографии. На этом же портрете женщина приветливо улыбается, кокетливо склонив голову набок и поправляя правой рукой прическу. В ее облике нет ничего «страдальческого» и «обреченного». Можно подумать, что это какая-либо актриса (в фотоателье Бродовского, состоявшего при Филармоническом обществе, снимались многие деятели искусства), но достаточно сравнить это изображение с фотографиями Елизаветы Федоровны конца 1890-х – начала 1900-х гг., чтобы с полной уверенностью сказать, что перед нами – именно ее портрет. Автор абсолютно достоверно передает изысканную красоту женщины. Точно соблюдены пропорции ее стройной фигуры: высокая шея, почти неправдоподобно узкая талия, гибкие

округлые руки. Идентичны фотографиям великой княгини овал и тонкие черты лица, узнаваема прическа, характерная для нее в этот период: волосы зачесаны назад (ранее у нее была короткая челка). Кроме того, есть фотоснимки великой княгини в платьях, очень похожих на то, в котором она изображена на портрете*.

Пока нами не обнаружено свидетельств того, что Эрзя писал портрет с натуры; возможно, он работал по фотографиям и сам «сочинил» улыбку Прекрасной дамы. Что касается датировки произведения, то утверждение Кана представляется нам значительно более достоверным, чем предположение Папорова. Скорее всего портрет следует датировать 1902 г.; если же он был выполнен художником в период обучения в МУЖВЗ, то не позже 1903 г., т. е. времени, с которого основным его занятием стала не живопись, а скульптура.

* Иллюстрация размещена на сайте «Великий скульптор Степан Эрзя» (<http://stepanerzia.ru>) в разделе «Биография» (фото 9).

Поступила 19.08.2014

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Волгарь, Н. С. Д. Эрзя* (Крестьянин-скульптор) // Камско-Волжская речь. – 1911. – 19 мая.
2. *Дневниковые записи воспоминаний Н. М. Чернышева* // Скульптор Эрзя : кн.-альбом / авт.-сост. М. Н. Баранова, В. С. Ионова. – Саранск, 2006. – С. 410–413.
3. *Клюева, И. В.* Строгановское училище и его педагоги в творческой биографии Степана Эрзи // Академик Императорской Академии художеств Николай Васильевич Глоба и Строгановское училище – М., 2012. – С. 385–394.
4. *Марк. Степан Дмитриевич Эрзя* // Искорки (Прил. к газ. «Копейка»). – 1910. – Июнь (№ 23). – С. 22–24.
5. *Марк. Степан Ерзя* // Раннее утро. – 1909. – 2 апр.
6. *Моро, А.* Степан Эрзя : док.-худож. роман / А. Моро. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1997. – 336 с.
7. *Н-винъ.* Восходящая звезда русской скульптуры // Голос Москвы. – 1910. – 6 марта.
8. *Орсетти, Л.* Скульптор Степан Эрзя. Биографические заметки и очерки. 1950 г. : машиноп. копия / Л. Орсетти : пер. с исп. – ЦГА РМ. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 562. 375 л.
9. *Папоров, Ю. Н.* Великий Эрзя. Признание и трагедия : лит.-док. повесть. Степан Эрзя : биография в документах / Ю. Н. Папоров. – Саранск, 2006. – 424 с.
10. РГАЛИ. Ф. 660, 677, 680.
11. *Сергеев, М.* С родиной в сердце // Воспоминания о скульпторе С. Д. Эрзе. – Саранск, 1972. – С. 31–83.
12. *Сутеев, Г.* Скульптор Эрзя. Биографические заметки и воспоминания / Г. Сутеев ; сост. Г. Горина ; ред. В. Сутеев. – Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1968. – 176 с.
13. ЦГА РМ. Ф. 1689. Оп. 1. Д. 421. 50 л.
14. *Cahn, A.* Erzia. La vida y la obra rebeldes y peculiares de Stefan Nefedov / A. Cahn. – Buenos Aires : Talleres Gráficos A. J. Weiss, 1936. – 103 p.
15. Del proyecto “El escultor ruso Erzia y la Argentina” : Artículos de los autores latinoamericanos sobre el escultor ruso. Yu. Paporov. El Gran Erzia : Reconocimiento y tragedia. Novela literaria y documental. – М. : Avanglion, 2010. – 394, [1] p.